

Александр Грин

Тайна дома 41

Александр Грин

Тайна дома 41

«Public Domain»

1916

Грин А. С.

Тайна дома 41 / А. С. Грин — «Public Domain», 1916

«Велик город Петроград, господа, и много творится в нем диковинных и непонятных вещей. Часть из них становится, рано или поздно достоянием полиции, получая, так сказать, разъяснение и свое место в этом мире; но до многого и полиция не доберется. Только мы, люди пишущие, искушенные опытом и гуляющие по улице без формы, можем иногда безвредно для обывателей, проникнуть в секретные дела многочисленных петроградских семейств и вывести оттуда на свет божий и страшное и поучительное...»

Содержание

I. Краткое вступление. Шкипер Мустаняйнен и Григорий Хибаж	5
II. № 41. Марья Лукьяновна и Мустаняйнен за ангела	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Грин

Тайна дома 41

(Петроградский рассказ)

І. Краткое вступление. Шкипер Мустаняйнен и Григорий Хибаж

Велик город Петроград, господа, и много творится в нем диковинных и непонятных вещей. Часть из них становится, рано или поздно достоянием полиции, получая, так сказать, разъяснение и свое место в этом мире; но до многого и полиция не доберется. Только мы, люди пишущие, искушенные опытом и гуляющие по улице без формы, можем иногда безвредно для обывателей, проникнуть в секретные дела многочисленных петроградских семейств и вывести оттуда на свет божий и страшное и поучительное.

Рано утром, против 10-й линии Васильевского острова у парохода «Юкола», только что прибывшего из Гельсингфорса с дорогим, по нашему времени, грузом, – бумаги для издательства «Скальпированный футурист», стоял добренький, старенький шкипер Мустаняйнен. Он стоял на солнечной набережной, сдвинув несколько на затылок блинообразную кожаную фуражку, курил трубочку-носогрейку и все его румяное, обрамленное седой щетиной лицо выражало чрезвычайное благодушие. За скорость он получил с издательства хороший куртаж, вчера выпил шесть бутылочек «калия», разбавив пиво для крепости сахарным песком, и выиграл в карты у боцмана Кананяйнена полторы марки. Утро занялось тихое и теплое. Мустаняйнен курил и пел:

Ветер бил, и я не пуст,
Когда плыл я в Таваст густ,
Ветер бил и лайба плыл,
И я очень рада бил.

Набережная представляла обычную картину неторопливого уличного движения; катились подводы с бочками, трусили извозчики, пешеходы, с опасностью для жизни, устремлялись наперерез трамваю, на углу дремал газетчик. Посмотрев в сторону Николаевского моста, шкипер увидел человека, который являл собой странную и значительную, по военному времени, картину, буйно размахивая руками, мотая головой, шел он, шатаясь, как под градом ударов, в определенном, но в то же время и в неопределенном направлении ходом коня, постепенно приближаясь к Мустаняйнену, смотревшему на него с чувством благоговейной зависти. «Перкеле!» – сказал шкипер, вспоминая старые времена, когда по снежной финской дорожке летел он, пьяный как дым, на сытой лошадке, и рвал вожжи, и пел сколько хотелось.

В силу этих воспоминаний Мустаняйнен проникся симпатией к неизвестному, издали рассматривая счастливец зоркими морщинистыми глазами. «Счастливец» был в поношенной чиновничьей форме, невысок, сутуловат и небрит, а физиономией напоминал бабу, которой приклеили бачки и щетинистые усы. Было ему лет сорок – сорок пять. Подойдя к Мустаняйнену, чиновник утвердил расплзающиеся ноги на мостовой, сделал рукой неопределенное заверение в неких невраждебных, однако, чувствах и спросил:

– Друг мой!.. Брат мой! Несчастный!.. Страдающий брат!..
– Ити постелька домой! – ласково сказал Мустаняйнен.

– Постелька! – презрительно сказал чиновник, насупившись. – Эх ты... Свердруп маринованный! По-лу-ев-ро-па! А я, братец мой, жалование пропиваю, и пропитой сей нисколько, понимаешь, не жалко. Зачем двадцатое? Почему двадцатое? Число звериное! Я благ-а-родный человек, вейка! Хочешь выпить?

– Пирга нет, – недоверчиво сказал Мустаняйнен, косясь на неоттопыренные борты чиновничьего пиджака.

Но чиновник погрузился в раздумье. Похмельная борьба терзала его. С одной стороны – давали себя чувствовать угрызения совести; пропил жалованье, семья ждет и тому подобное; с другой – острое возбуждение двух суток требовало продолжения, то есть опять напиться и, шатаясь по городу, попадая из одного места в другое, жить фантастикой пьяных нелепостей. Запустив руку в задний карман брюк, вытащил он зажатые меж скрюченных пальцев – одну красненькую и две трешки, из складок которых, подобно бабочкам, запорхали синие и желтые марки.

– Хибаж, – сказал чиновник, тупо смотря на запестревшую мостовую, – Григорий Авенантович Хибаж. Это я. Видишь, тут есть еще на... на... п... политуру! Выпьем?!

– Нисего, – сказал Мустаняйнен, аккуратно поднимая марки и вручая их стоявшему под углом Пизанской башни Хибажу, – берите лосадка: ридцать копеек, и я вас домой провожу.

Будь Хибаж менее пьян, Мустаняйнен не отказался бы, разумеется, от дарового угощения. Однако чиновник мог дико заорать на Невском или выкинуть что-нибудь вообще, косвенное полиции. Поэтому, настроившись сострадательно к Хибажу, шкипер, благо день был свободный, решил доставить Хибажа домой.

– А те сивете? – спросил он, махая рукой порожнему извозчику, свернувшему, благодаря таксе, не совсем охотно, но почин дороже денег. Раскаяние взяло верх. Спрятав деньги, Хибаж, смазав себя пальцами по лицу, чем как бы стряхивал прошлое, довольно внятно объяснил адрес. Он жил в собственном деревянном домике, в глухом углу Гавани; номер дома был 41. Хибаж и Мустаняйнен уселись.

Известно, что такое пьяный разговор и каково его слушать трезвому. Мустаняйнен терпеливо курил трубку и завистливо, льстиво улыбался, слушая перечисление фунтов политуры, бутылок спирта и вина, о которых Хибаж рассказывал ему безо всякого злого умысла, терзая сердце Мустаняйнена неутомимой алчбой. Подробно описывал он все встречи, разговоры, обиды и услаждения. Завидев на Большом проспекте знакомую кофейню, которую держал Симаняйнен, шкипер вспомнил, что нужно завернуть к земляку и сообщить ему о скоропостижной и неблагочестивой смерти Ивайнена, деверя хозяина заведения.

Сделав соответствующее заявление Хибажу, Мустаняйнен воскликнул: «Исивосцик, ти стой немноско!» – и развалистой походкой моряка скрылся в кофейне. Немного он пробыл там, – минут десять, пятнадцать, – но когда вышел, увидел, к своему удивлению, пустую пролетку. Хибаж исчез. «Исивосцик! – закричал шкипер. – А те сетевал каспадин? Сорт!» Извозчик посмотрел через плечо на пустое сиденье, дерзко пожал ватными плечами и буркнул:

– Сам черт! Я не караулить его поставлен. Сбежал, надуть, как полагается!

Куда ни смотрел шкипер, – нигде не было видно Хибажа.

II. № 41. Марья Лукьяновна и Мустаняйнен за ангела

Скажем откровенно, тайная надежда заполучить в конце концов огненный стакан спирта не покидала шкипера до этой минуты. Близкое соседство нагруженного напитками человека смущало шкипера, заставив его даже пожалеть, что он везет Хибажа домой, а не в другое, более теплое место. Хибаж исчез, Мустаняйнен безнадежно развел руками.

Однако, предусмотрительно заставив чиновника заплатить извозчику вперед, шкипер считал своим долгом попасть в дом 41 и оповестить семейство, если таковое окажется, о неудачной опеке над Григорием Авенантовичем. «Посол!» – сказал он, куколкой усаживаясь в пролетку.

Через полчаса лошадь остановилась перед желтым одноэтажным домиком, с крошечным мезонином и узкой калиткой, Мустаняйнен дернул ручку проволочного звонка. Было слышно, как со всех ног бросились отпирать, и на пороге стремительно появилась еще молодая, довольно миловидная женщина, простоволосая, в затрапезном платье, с тряпкой в руках; сбоку по косякам двери мгновенно прилипли, как часовые, два шустрых, босоногих мальчика. Все трое выстрелили глазами в шкипера, и на лицо женщины, согнав краску оживления, легла тень горькой усталости.

– Что скажете? – спросила она.

– Эт-та... сивет каспадин Хибаж? – заговорил шкипер и, получив утвердительный вздох-кивок, продолжал, широко улыбаясь: – Я бил резвый, а он посол водку пить. Я сказал каспадин, идти спать. Я возил, я посол копейня, немного ходил, приходил улица, – каспадин земля ровалился (В землю провалился). Риехал вам.

– Ах, ах, погубитель, злодей! – закричала Марья Лукьяновна. – Так вы тоже с ним путались?! Стыдно, господин старичок! У меня дети, быюсь, как рыба об лед. Пьяница мой, почитай, каждое двадцатое половину, а то и больше, пропьет! Эх вы! Пожалели бы вы бедных людей!

Она громко заплакала. Разговор происходил в крошечной, полутемной передней. Мустаняйнен растерялся. Кое-как втолковал он наконец Марье Лукьяновне, что, встретив пьяного Хибажа, пожелал избавить его от сторублевого штрафа за появление в пьяном виде, – но что тот скрылся. Марья Лукьяновна, слушая, утирала слезы и наконец утерла их совсем, в то время как два отпрыска рода Хибажей, награждая друг друга щипками, мстительно шептались о чем-то. Заревев, оба убежали.

– Ради бога, сделайте милость, – взмолилась женщина, – разыщите вы мне моего Гришу. Вы его видели, знаете, а он, наверное, к «Повилику» пошел, на биллиардах проклятых последние гроши заколачивать. Мне – женщина я – нельзя по трактирам ходить, неудобно. Сделайте милость. Скажите, что я слезами вся изошла. Ей-богу, не сплю. Я вам и денег на извозчика дам. Поверите ли, до того дошло, что мезонинчик наш субъекту какому-то сдала, одноштаннику; все хоть пятнадцать рублей в месяц на хлеб. Вон он запел, басистый!

Сквозь ветхий потолок действительно раздавалось глухое, ворчливое пенье и явственно разбиралось:

«Воскресни ж, Озирис, явися к нам вновь
В сердцах наших править и мир и любовь!»

– Второй день живет, все про мир да любовь поет, – продолжала женщина, – а денег только пять целковых уплатил, остальные, говорит, из Самары телеграфом вышлют. Ах, господин... уж согласитесь доброе дело с концом сделать! Представьте разбойника!

Отчасти плененный некоторыми прелестями Марьи Лукьяновны, отчасти вновь восплаив тайной надеждой, в связи с приключением, где-то как-то заплучить наконец оседлавший воображение огненный стакан «пирга», Мустаняйнен, потоптавшись, сказал:

– Та. Се телано, а вы, мамуска, не упиваетесь. Я поехала.

Взяв рубль мелочи, выслушав пылкие благодарности и благословения, Мустаняйнен вышел на улицу, направляясь к трамваю. Адрес «Повилика» Марья Лукьяновна записала ему на бумажке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.